

Священноисповедник Василий (Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в г. Кинешме Костромской губернии в семье священника.

Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры уехал в Англию и 1910–1911 годы прожил в Лондоне. После возвращения в Россию он поступил преподавателем иностранных языков и всеобщей истории в Миргородскую мужскую гимназию. В 1914 году Вениамин переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. Преподавание настолько его увлекло, что он окончил педагогический институт, приготовившись окончательно к профессии педагога. Но Господь распорядился иначе.

Однажды, приехав в гости к родителям в Кинешму, Вениамин уговорился с друзьями покататься на лодке по Волге. Уже далеко от берега лодка внезапно перевернулась. Вениамин взмолился, прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя

служению Православной Церкви. В этот момент он увидел толстую длинную доску и, ухватившись за нее, выплыл.

В 1920 году, в возрасте 45 лет, Вениамин был рукоположен в священника, а через год принял монашеский постриг с именем Василий и был поставлен во епископа Кинешемского.

Многие еще при жизни святителя Василия знали его как истинного подвижника, угодника Божия. Жизнь он вел простую и скромную, к богослужению относился с величайшим благоговением. Проповеди святителя собирали множество людей. Основной своей архипастырской задачей он ставил православное просвещение.

Когда разразился в Нижнем Поволжье голод и оттуда стали вывозить детей-сирот в детские дома, он в проповедях призывал прихожан взять этих детей к себе, и сам, подавая пример, снял дом, в котором поселил пять девочек и приставил к ним воспитательницу — благочестивую христианку. По его молитвам совершались чудеса исцелений как от душевных, так и от телесных недугов.

В 1923 году святитель Василий был арестован и сослан в Зырянский край, где пробыл до 1925 года. По возвращении Владыки из ссылки церковь в Кинешме начала быстро расти и укрепляться. Гражданские власти, обеспокоенные, потребовали, чтобы епископ покинул город.

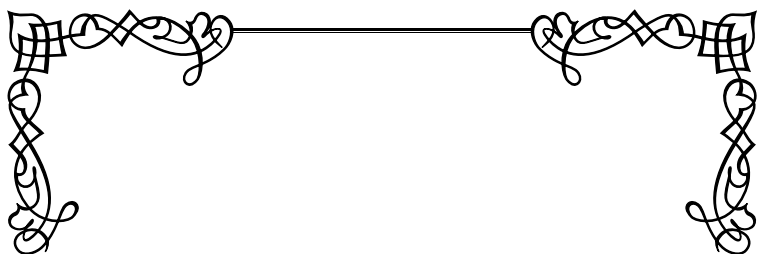
После двух лет скитаний, в 1928 году, он был вновь арестован, полгода провел в тюрьме и был приговорен к трем годам ссылки. Вернувшись из ссылки, Владыка два года провел в Орле, откуда власти выслали его в Кинешму. Сразу же по при-

---

езде он и его келейник, верно сопутствующий ему во всех этих переносимых от безбожных властей гонениях, были заключены в тюрьму. Хотели приговорить их к смерти, но не нашли за что. На пять лет их заключили в лагерь: святителя Василия в лагерь, находящийся неподалеку от Рыбинска, его келейника — под Мурманск.

По окончании срока лишь два года пробыл уже стареющий епископ на свободе. Снова арест: сначала — Ярославская тюрьма, затем — Бутырская в Москве. После 8 месяцев заключения — 5 лет ссылки в Красноярский край, в село Бирилюссы.

31 июля 1945 года святитель скончался. При жизни он завещал, чтобы его останки были перенесены на родину, но в те годы это было невозможно. Только 5 (18) октября 1985 года святые мощи его были найдены и перевезены в Москву. В августе 2000 года епископ Василий был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. «Беседы на Евангелие от Марка» священноисповедника Василия вошли в золотой фонд русской христианской литературы.

Глава 1, ст. 1–13

Евангелие — слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть».

Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал — как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем... А кругом холодные, равнодушные чужие люди... Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!

И вот в один прекрасный день стучатся в двери. Кто там? Почтальон принес письмо! От кого? Боже правый... Неужели? Да, да... На обороте письма знакомый милый почерк: неправильные крупные буквы, его почерк. Весточка от него. Что он пишет? Вы торопливо разрываете конверт и читаете с замиранием сердца. Слава Богу! Все хорошо: он жив, здоров, всем обеспечен, собирается приехать на родину... Сердце наполняется благодарной радостью.

Господи! Как Ты милостив! Ты не забыл, Ты не оставил, Ты не отверг убогой молитвы! Как благодарить Тебя, Создатель?

Таково впечатление от благой вести. Но в личной жизни это выглядит сравнительно слабо.

Почему же Евангелие называется Евангелием? Почему оно является благою вестью?

Это весточка из потустороннего мира на грешную землю. Весть от Бога страдающему, томящемуся во грехе человеку; весть о возможности возрождения к новой, чистой жизни; весть о светлом счастье и радости будущего; весть о том, что все уже для этого сделано, что Господь отдал за нас Своего Сына. Человек так долго, так страстно, так тоскливо ждал этой вести.

Послушайте, я расскажу вам немного о том, как жили люди до прихода Спасителя, как они томились и напряженно ждали весточки, которая указала бы им новый, светлый путь и выход из грязного болота порока и страсти, в котором они барахтались, и вы поймете, почему с такой восторженной радостью они встретили эту весть, почему назвали ее благой и почему для человека не было и не могло быть другой, более радостной, более благой вести, чем Евангелие.

Весь мир перед тем временем, когда должен был прийти Спаситель, стонал в железных тисках Римского государства. Все земли, расположенные вокруг Средиземного моря и составлявшие тогдашний европейский цивилизованный мир, были завоеваны римскими легионами. (Говорить о жизни человечества того времени — это значит говорить почти об одном Риме.) Это был расцвет римского могущества, эпоха Августа. Рим рос и богател. Все страны

слали свои дары сюда или в качестве дани, или как товары торговли. Несметные сокровища собирались здесь. Недаром Август любил говорить, что он превратил Рим из каменного в мраморный. Неимоверно богатели высшие классы — патриции и всадники. Правда, народ от этого не выигрывал и под золотой мишурой внешней пышности империи таилось много горя, нищеты и страданий. Но, как ни странно, и высшие богатые классы не чувствовали себя счастливыми. Богатство не спасало их от уныния, хандры и порой от тоски отчаяния. Наоборот, этому содействовало, рождая пресыщенность жизнью. Посмотрим, как жили тогдашние богачи.

Роскошная беломраморная вилла... Изящные портики, между стройными колоннами расположены статуи императоров и богов из белоснежного каррарского мрамора резца лучших мастеров. Роскошные мозаичные полы, по которым из дорогих цветных камней выложены затейливые рисунки. Почти посредине большой центральной комнаты, служащей для приемов (так называемый атриум), — квадратный бассейн, наполненный кристальной водой, где плещутся золотые рыбки. Его назначение — распространять приятную прохладу, когда воздух раскален зноем южного дня. На стенах — позолота, фресковая живопись, причудливо переплетающиеся орнаменты густых тонов. В семейных комнатах — ценная мебель, позолоченная бронза, на всем убранстве лежит печать богатства и изящного вкуса. В надворных постройках — масса обученных рабов, всегда готовых к услугам хозяина. Так и чувствуется по всему, что нега, лень и наслаждение свили здесь себе прочное гнездо.

Амфитрион (хозяин дома), римский всадник с жирным двойным подбородком, с орлиным носом, гладко бритый, готовится к вечернему пиру. В этом доме пиры почти ежедневно. Громадное состояние, нажитое на откупках, позволяет тратить на это колоссальные суммы. Он занят сейчас в своей домашней библиотеке: надо выбрать поэму для развлечения гостей. Медленно и лениво своими пухлыми руками, украшенными тяжелыми золотыми перстнями с самоцветными камнями, перебирает он футляры, где хранятся драгоценные свитки фиолетового и пурпурного пергамента, на котором золотыми литерами переписаны последние новинки римской поэзии. Его губы брезгливо сжаты: все это ему не нравится. Все так плоско, неинтересно, так приелось!

В соседней большой комнате суетится и бегают целая толпа рабов разных оттенков кожи: белые голубоглазые свевы, желтые смуглые фригийцы и персы, черные арапы и негры. Приготавливают столы и лужа для гостей. Их будет немного, только избранные друзья, человек тридцать. Но тем более надо все приготовить для них и угостить как можно лучше...

Пир в разгаре. За длинными столами на ложах, покрытых виссонными тканями и дамасскими коврами, возлежат гости в легких туниках, с розовыми и померанцевыми венками на головах. Столы уставлены яствами и фиалами с драгоценным вином. Прошла уже тридцать пятая перемена блюд. Только что убрали жирную тушу жареного кабана, и маленькие невольники, прелестные мальчики с завитыми кудряшками, в прозрачных розовых и голубых туниках, разносят расписные кувшины с розовой водой для омовения рук гостей. Смешанный говор стоит

в зале. Гости уже достаточно подвыпили: глаза блестят, лица раскраснелись, а рослые арапы еще вносят громадные амфоры дорогих фригийских и фалернских вин, предлагая желающим наполнить опустошенные кубки.

Несмотря на знойный вечер, в комнате прохладно: по углам бьют фонтанчики и журчат ручейки душистой воды, наполняя воздух благоуханием. Откуда-то сверху, как крупные хлопья снега, медленно падают лепестки роз и жасминов, покрывая все в комнате ароматным ковром. Откуда-то издали доносятся тихие звуки грустной музыки: стонет свирель, журчащими каденциями рассыпается арфа и томно воркует лютня.

А гостям подают тридцать шестую перемену: жареные соловьиные язычки с пряным восточным соусом — блюдо, стоившее невероятных денег.

Это был какой-то культ чрева и обжорства. Ели с внимательной торжественностью, по всем правилам гастрономии, точно совершая священный обряд; ели медленно, бесконечно долго, чтобы продлить наслаждение насыщения. А когда желудок был полон и не вмещал больше ничего, принимали рвотное, чтобы освободить его и начать снова.

В пиршественной зале появляется домашний поэт амфитриона, один из бесконечной толпы его прихлебателей. Под звуки лютни он декламирует стихи собственного сочинения. Его сменяют мимы и танцовщики. Начинается дикая, сладострастная вакхическая пляска.

Но хозяин по-прежнему невесел. На его лице скука, пресыщение. Все надоело! Хоть бы что новое изобрели! А то каждый раз одно и то же!

За новые развлечения, за изобретение удовольствий платили большие деньги. Но трудно было изобрести что-нибудь новое, достаточно сильное, чтобы возбудить притупленные нервы. Неизбежная скука надвигалась, как болотный туман, полный удушливых миазмов. Пресыщенная жизнь переставала быть жизнью.

Один из первых богачей того времени, сам император Тиверий, представляет едва ли не самый печальный образец этой пресыщенной скуки. Он — на острове Капри в чудной мраморной вилле; кругом плещутся лазурные волны Неаполитанского залива; дивная, яркая южная природа улыбается ему и говорит о счастье и радости жизни, а он пишет сенату: «Я умираю каждый день... и зачем живу — не знаю».

Так жила римская знать, праздная, пресыщенная, потерявшая вкус к жизни, неудовлетворенная ни своим богатством, ни своим могуществом.

Народ, или, вернее, городской класс, та толпа, которая наполняла улицы Рима, вряд ли чувствовала себя вполне счастливой. Правда, и здесь жизнь с внешней стороны могла казаться иногда праздником. Те золотые потоки богатства и роскоши, которые стекались в Рим со всех стран, хотя и в небольшой степени, но достигали и римской черни. От императора и сановных патрициев в дни торжественных событий и фамильных праздников перепадали иногда значительные подачки. Нередко практиковалась даровая раздача хлеба. Римские граждане, кроме того, могли торговать своими голосами при выборах в сенат или на муниципальные должности.

Для толпы устраивались в цирках и театрах даровые великолепные зрелища. Все это создавало

условия легкой, праздной жизни и привлекало из провинции массы празднующегося люда. Мало-помалу в Риме и других больших городах скопились громадные толпы людей праздных, беспокойных, ленивых, привыкших жить за государственный счет, единственным желанием и постоянным воплем которых было: «Хлеба и зрелищ!»

Но, выплачивая этой толпе подачки из своих колоссальных богатств, император и римская знать относились к ней с нескрываемым презрением и варварской жестокостью. Случалось иногда в цирках, где преобладали кровавые зрелища гладиаторских боев и травли людей дикими зверями, все жертвы, предназначенные для зверей, были растерзаны, а жажда крови и в зверях, и в зрителях еще не была насыщена. Тогда император приказывал выбросить на арену к зверям несколько десятков бесплатных зрителей из простонародья, заполнявших амфитеатр. И это приказание исполнялось при громком хохоте и рукоплесканиях знати.

Однажды накануне конских скачек, в которых должен был принять участие великолепный породистый жеребец одного знатного сенатора, громадная толпа любопытных зевак окружила стойло знаменитого скакуна, чтобы полюбоваться на него. Чтобы разогнать любопытную толпу, нарушавшую покой благородного животного, сенатор приказал своим рабам высыпать на зевак несколько больших корзин, полных ядовитых змей.

Эти маленькие иллюстрации показывают, насколько необеспеченна и непривлекательна была жизнь граждан этого класса, несмотря на внешний покров кажущейся легкости и беззаботности.

Если по общественной лестнице мы спустимся еще ниже, в класс рабов, то здесь мы найдем только непрерывные страдания и беспросветное горе. Раб не считался даже человеком. Это был просто инструмент, вещь, хозяйственная принадлежность. Убить, изувечить раба хозяин мог вполне: за это он ни перед кем не отвечал, как не отвечал за сломанную лопату или за разбитый горшок.

Жизнь рабов была ужасна. Если бы мы могли прогуляться вечером по улицам Рима того времени, то, наверное, услышали бы тяжелые стоны, плач и глухие удары, несущиеся из подвалов богатых домов, где содержались рабы, — там происходила обычная вечерняя экзекуция рабов за дневные провинности. За малейшую оплошность их наказывали жестоко: били бичами или цепями до потери сознания. Зажимали шею в расщепленное полено и в таком положении оставляли на целые дни. Ноги забивали в колодки. Однажды во время приема императора Августа в доме известного богача того времени, Мецената, раб разбил нечаянно дорогую вазу. Меценат приказал бросить его живым в бассейн на съедение рыбам-муренам. На ночь рабов связывали попарно и сажали на цепь, наглухо приклепанную к кольцу, ввинченному в стену. А днем их ожидала бесконечная, одуряющая, изнурительная работа под бичом надсмотрщика, почти без отдыха. Если доведенные до отчаяния рабы поднимали бунт против своего господина, их распинали на крестах — казнь, считавшаяся самой позорной и мучительной. Когда раб становился стар или выбивался из сил и не мог более работать, его увозили на маленький необитаемый островок среди Тибра, где и бросали, как падаль, на произвол судьбы.

Таким образом, во всех классах римского общества жизнь была тяжелая, безрадостная, гнетущая: пресыщенность жизнью, скука, разочарование в высшей знати, бесправие, угнетение, страдания в низших слоях. Искать радости, успокоения, утешения было негде. Языческая религия не давала человеку никакого облегчения. В ней не было той благодатной таинственной силы, которая одна только может успокоить, ободрить и укрепить страждущее сердце и томящийся дух. Кроме того, римская религия времен пришествия Христа Спасителя очень многое заимствовала из восточных культов, полных сладострастия и распутства. В безумных, беспутных оргиях Востока можно было найти опьянение, временное забытие, но после этого скорбь становилась еще острее, отчаяние еще глубже.

Языческая философия также не могла удовлетворить человека, так как она учила только о земном счастье и не освобождала мятущийся дух от оков мира и материи. Два направления господствовали в тогдашней философии: эпикурейство и стоицизм. Эпикурейцы говорили: наука быть счастливым состоит в том, чтобы создавать для себя приятные ощущения; всякое излишество влечет за собою болезненные ощущения, поэтому нужно быть умеренным во всем, даже в наслаждениях, но эта умеренность, равно как и сама добродетель, не составляет цели для человека, а служит лишь наилучшим средством к наслаждению. Стоики брали лучшие стороны в человеке. Ты свободен, говорили они, значит, ты единственный господин себе. Воля твоя должна вполне принадлежать тебе; счастье заключается в господстве над самим собою. Скорби, гонения и смерть для тебя не существуют: ты

всецело принадлежишь себе и никто не отнимет тебя у тебя самого, а это все, что нужно мудрецу.

Чего не доставало философии — это божественного элемента. Тот бог, которого они называли природою, не имеет никаких преимуществ перед богами, провозглашенными языческою религиею и мифологическими сказаниями. Бог философов — не живой, личный Бог, а судьба, неумолимая и слепая, под ударами которой человек впадает в отчаяние и погибает.

Кроме того, философия была совершенно недоступна народному пониманию и составляла удел лишь небольшого числа избранных мудрецов. Поэтому искать в ней утешения масса не могла.

Можно было бы ожидать, что указания нового пути и средства возрождения жизни найдутся в иудейском народе — единственном народе, сохранившем истинную религию и возвышенные понятия о Боге и жизни. Но иудейство само переживало тяжелый кризис. Вряд ли когда в истории еврейского народа встречаются более темные страницы религиозного и нравственного упадка, чем в период, предшествовавший явлению Христа Спасителя. Когда читаешь пророческие книги и суровые речи пророков, обличавших еврейскую жизнь, рисуется тяжелая, мрачная картина.

Вот ряд выдержек из книг пророка Исаии, изображающих безотрадное нравственно-религиозное состояние израильского народа того времени, его неблагодарность и измену Богу, его неверие, его разврат, его жестокость и вопиющую несправедливость.

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей,

а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего, и осел — ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, — повернулись назад (1, 2–4). Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы. ...Князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них (1, 21, 23).

И в народе один будет угнетаем другим, и каждый — ближним своим... Язык их и дела их — против Господа, оскорбительны для очей славы Его... Народ Мой! возжди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили (3, 5, 8, 12).

Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (6, 10).

...О юношах его не порадуется Господь, и сирот его и вдов его не помирует: ибо все они — лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво (9, 17).

...Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет чистого места (28, 7, 8).

...Это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня (30, 9). Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его

от вас, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши — беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступает за истину; надеются на пустое и говорят ложь, начинают зло и рожают злодейство... Дела их — дела неправедные, и насилие в руках их. Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира. Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, вот тьма, — озарения, и ходим во мраке... Ибо преступления наши многочисленны пред Тобою, и грехи наши свидетельствуют против нас; ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем. Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова. ...И честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается оскорблению (59, 2–4, 6–9, 12–15).

Таким образом, и здесь, среди избранного народа Божия, та же картина нравственного мрака и разложения.

Зло сгущалось повсюду. В этой атмосфере бесправия и насилия, обмана и лицемерия, неверия и суеверия, разврата и погони за наслаждениями становилось трудно дышать. Мир, поработанный римской политикой, униженный и доведенный до отчаяния ложными религиями, тщетно вопрошающий философию о тайне жизни и добродетели, этот мир стоял на краю могилы.

Само иудейство, изменившее своему предназначению, находилось при последнем издыхании. Никогда еще не было более критического момента в истории человечества. Чувствовалось, что человечество зашло в тупик и без посторонней помощи Кого-то Великого и Сильного выйти оттуда не может. И вот среди лучших людей того времени все упорнее и напряженнее становится ожидание появления Великого Пророка, который укажет человеку новые пути и спасет мир от гибели и разложения.

В иудействе это ожидание существовало уже давно и питалось предсказаниями пророков, но и вне иудейства в лучших людях языческого общества чувствуется трепетное ощущение и страстное желание пришествия Спасителя и Избавителя мира. Весь мир находился в напряженном состоянии, и в эту-то великую и торжественную минуту рождается Господь Иисус Христос и проповедует людям Свое Евангелие, это Откровение новых путей возрождения и истинной жизни.

Это откровение было тою вестью Неба, которая выводила людей из тупика греха и отчаяния и которую так страстно и так напрасно ожидало человечество. Вот почему оно и было названо *благою вестью*, или Евангелием.

Но и теперь, когда столько веков прошло после появления Евангелия, оно не утратило своего значения и по-прежнему является для нас благою вестью, говорящей нам о высокой, чистой, святой жизни; по-прежнему, как маяк в бурную темную ночь, оно показывает нам единственный верный путь к вечному счастью и к Богу.

Где этот путь? Язычество и почти весь древний мир искали его в служении своему самолюбию, в самоугождении, в самоуслаждении. Личный эгоизм язычества, национальный эгоизм еврейства — вот те краеугольные камни, на которых люди древности хотели построить здание своего счастья. Они не построили ничего, и их опыт доказал только то, что избранный ими путь ложен и ведет не в чертоги счастья, а в трясины отчаяния.

Евангелие наметило новый путь: самоотречение.

Уже первая крупная фигура, появляющаяся в евангельской истории по Марку, фигура Иоанна Крестителя, обвеяна этим новым духом.

Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. ...Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед (Мк. 1, 4, 6).

Всем своим видом он как бы говорил слушателям: «Не в богатстве, не в роскоши, не в человеческой славе, не в земном могуществе надо искать пути к Богу и к счастью. Все это ложь, обман, призрак! Пустыня лучше царских чертогов, ибо ее вечная тишина и однообразие не развлекают ум и позволяют всецело погрузиться в созерцание дел Божиих и Божия величия. Властяница лучше тонких тканей и дорогих одежд, ибо она не разнеживает тела, но, изнуря его, делает покорным рабом духа. Скучная пища пустыни лучше изысканных яств, ибо она не будит в человеке сладострастия и похоти. Суровая жизнь среди природы лучше праздного, ленивого существования богачей, ибо она закаляет волю для подвига. Отречение от мира лучше привязанности к миру, ибо ничем не связанный, свободный

духом человек может служить Богу всем существом своим».

И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне (Мк. 1, 5), ожидая найти в Иоанне давно желанного пророка, Спасителя мира. Но это был только Его предтеча.

Сильнейший его шел за ним.

Глава 1, ст. 14–34

Евангелист Марк почти всегда изображается со львом. Это его эмблема. Эмблема власти, силы, царственного величия. В ореоле этой силы и величия хотел евангелист изобразить Господа Иисуса Христа. Вот почему ему присвоена эта эмблема. Действительно, в повествовании святого Марка личность Господа Иисуса Христа особенно часто и ярко выступает с этими чертами — Божественного величия и духовной силы.

В первой же главе Евангелия несколько раз отмечаются эти черты. Властное правдивое слово Господа Иисуса Христа, чуждое заискивания и угодничества: *И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники.* Книжники искали только успеха и славы и, чтобы заслужить рукоплескания толпы, часто льстили ее страстям и оправдывали ее предрассудки. Господь был чужд этой слабости.

Его спокойная, уверенная власть над злыми духами: *Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.*

То необыкновенное впечатление, которое производило проявление Его силы на зрителей: *И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?*

Его громадная сила исцелений, действующая ментально и врачующая радикально: *Теща же Симона лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.*

Многосторонность этой целительной силы, излечивавшей самые разнообразные болезни: *При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых... И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов.*

Таким образом, уже в приведенных немногих стихах Господь Иисус Христос является перед людьми как необыкновенный пророк, *сильный в деле и слове* (Лк. 24, 19).

Его сила действительно необыкновенна. Она сказывается во всем. В Его словах, в Его поступках и больше всего в Его влиянии на других людей. Ему достаточно только сказать Симону и Андрею, рыбакам: *идите за Мною!* И они тотчас, оставив свои сети, следуют за Ним (ст. 18). Достаточно призвать братьев Зеведеевых, Иакова и Иоанна, занятых починкой сетей, и они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, идут за Ним (ст. 20). Обаяние личности Господа Иисуса Христа, та духовная сила, которая неотразимо привлекает к Нему сердца чистых и честных людей, громадна.

Мы не ставим здесь вопроса, в чем секрет этой силы. Для нас драгоценно другое замечание Спасителя в Евангелии от Иоанна, где он обещает Своим последователям, что каждый из них может приобрести эту духовную силу. *Верующий в Меня, — говорит Он, — дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Какое великое обетование!

Иметь силу, какую имел Христос! Силу, которой не выдерживают и страшатся демоны! Бороться с ними и побеждать, очищая свою жизнь и свою душу от их ядовитого, тлетворного влияния, постоянно омрачающего путь к совершенству! Более того: привлекать и других людей к Господу Иисусу Христу, делать и других участниками вечного блаженства! Разве это не великая радость и счастье?

Но как приобрести эту силу?

Строго говоря, все учение Господа Иисуса Христа является ответом на этот вопрос. Евангелие в последовательных повествованиях вскрывает перед нами тот длинный и трудный путь, которым должен пройти верующий, чтобы исполнить завет Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Великая духовная сила, которую Господь обещает верным Своим ученикам, приобретается лишь в конце того пути, на высших ступенях совершенства. Но первую ступень, первый шаг, который должен для этого сделать человек, совершенно определенно отмечают слова данного отрывка: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Этим начинается проповедь Спасителя. Об этом же проповедовал Его великий Предтеча. С этого

должен начинать всякий человек, вверивший себя руководству Господа Иисуса Христа.

Как первый шаг и как обязательное условие возможности совершенствования требуются два усилия воли: 1) *покайтесь!* и 2) *веруйте в Евангелие!*

Мы знаем, что покаяние в глубоком смысле этого слова не есть простое сокрушение о грехах или отвращение к своему греховному прошлому, еще менее означает оно формальную исповедь: смысл слова гораздо глубже. Это решительный перевод жизни на новые рельсы, полная перестановка всех ценностей в душе и сердце, где при обычных условиях на первом месте стоят мирские заботы и цели временной, преимущественно материальной жизни, а все высокое и святое, все, что связано с верой в Бога и служением Ему, отгеснено на задний план. Человек не отказывается совсем от этих высоких идеалов, но вспоминает о них и служит им украдкой, боязливо, в редкие минуты духовного просветления. Покаяние предполагает коренную перестановку: на первом плане всегда, везде, во всем — Бог; позади, после всего — мир и его требования, если только их нельзя совершенно выбросить вон из сердца. Говоря иначе, покаяние требует создания нового, единого центра в человеке, и этим центром, куда сходятся все нити жизни, должен быть Бог.

Когда человек сумеет спаять все свои мысли, чувства и решения с этим единым центром, тогда из этого и создастся та цельность, монолитность души, которая дает громадную духовную силу. Кроме того, человек с таким устройением ищет исполнения только воли Божией и в конце концов может достигнуть полного подчинения или слияния своей

слабой человеческой воли с всемогущей волей Творца, и тогда сила его вырастает до божественной силы чудотворений, ибо тогда действует не он, но в нем действует Бог.

Таков в общих чертах процесс развития духовной силы в человеке.

Отчего апостолы могли получить эту силу чудотворений и обаяния личности и проповеди, сделавшую их могучими и искусными *ловцами человеков* (Мк. 1, 17)? Именно потому, что единым, всеобъемлющим центром для них был Бог и Его волю исполняли они как высший закон жизни. Интересно вдуматься в историю их призвания. Одно слово Господа, один призыв: *идите за Мною!* — и все забыто и брошено: лодка, сети, весь скудный инвентарь рыбацкого ремесла, даже отец... Ясно, что для этих людей Бог был дороже всего в жизни, и когда Его воля звучала призывом, ничто не могло их остановить. Кто умеет с такой готовностью откликнуться на Божий зов, тот пойдет далеко; и кто может так полно, так цельно, без сомнений и колебаний отдаться воле Божией, тот, несомненно, получит от Господа великие дары и великую духовную силу.

Следует сознаться, что в настоящее время таких цельных людей, полных глубокой веры и духовной силы, чрезвычайно мало. Когда оглядываешься на свою жизнь и на жизнь современного общества, с грустью видишь, что не вера двигает нами и не Бог является для нас центром. Мы подменили этот великий животворный центр другими.

У немецкого философа Ницше изображен сумасшедший, который с диким блуждающим взором

бегает по городу и, задыхаясь, кричит: «Мы Бога убили...»

Конечно, это неправда. Ни веру в Бога, ни религиозную идею вообще в человечестве убить невозможно. Но ее можно в значительной степени подменить. Вытравить из души религиозное чувство совершенно нельзя, но ему можно дать ложное, одностороннее направление. Человек часто пытается заменить Бога чем-нибудь другим.

Это сделано уже в первом грехопадении. Искушенный человек свою волю поставил на место воли Божией, поставил себя выше и захотел обоготворить себя... через знание. Вы помните, чем искушает дьявол Еву?

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт. 3, 1–6).

Если бы Евой руководила только вера, преданность и любовь к Богу, то она сказала бы змею: «Хорошо... Пусть ты прав. Пусть мы получим знание! Но какой ценой?! Нарушить Заповедь Божию, пойти наперекор Божией воле, изменить Богу, оттолкнуть Его своим непослушанием! Нет, Господь для нас всего дороже... Дороже твоего знания, и за такую

цену — за цену разрыва с Богом — нам не надо знания... Знание нам Бога не заменит!»

Ева этого не сказала. Обещанное диаволом знание показалось заманчивее доверчивого и беспрекословного исполнения воли Божией и, быть может, на короткий момент заслонило Бога. Соблазн одолел. Грех совершился.

С тех пор люди постоянно подменяют Бога. Чаще всего подменяют кумирами своих страстей. Они служат похоти, алчности, гордости, самолюбия, тщеславию, любостыжанию и т. д. и т. д. Невозможно перечислить все те кумиры, которым люди поклоняются вместо того, чтобы служить единому истинному Богу.

И как бы предвидя это, Синайское законодательство, данное Богом Моисею, во второй своей заповеди гласит: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4–5).

Непосредственным образом заповедь эта направлена против идолопоклонства, которым часто заражался израильский народ от соседей-язычников, и запрещает поклонение языческим истуканам. Но так как к идолопоклонству привлекало евреев не убеждение в его истинности, а сильнее всего и чаще всего их чувственность и страстность, находившие себе удовлетворение в некоторых культах, особенно в восточных — Ваала, Молоха и других, то вторая заповедь запрещает всякую страсть, которая может стать кумиром и затмить Бога. Иначе говоря, ею запрещается всякий другой центр, придуманный человеком вместо Бога.

Но зачем такой запрет? Отчего единым центром для человека должен быть только Господь и ничто более?

Человеческие центры, которым люди поклоняются и которым служат, вносят разъединение в человечество. Многие из них, особенно центры низшего порядка, как, например, богатство, нажива, сластолюбие, тщеславие, ведут к открытой и неизбежной вражде. Другие, может быть, и не вызывают явной вражды, но все-таки людей не объединяют и объединить не могут. В конце концов, все они слишком мелки и ничтожны, чтобы удовлетворить, захватить и объединить всех. У каждого человека свои вкусы, свои страсти, свои цели. Сколько голов, столько и умов. Один любит науку, другой предпочитает поэзию, третий избирает живопись. Ясно, что при разнообразии этих целей люди пойдут различными путями и осуществить единение между ними очень трудно. А между тем единение это необходимо для человеческого счастья, для мира и согласия в жизни, для общей борьбы с его злом и победы над ним.

Кроме того, все эти кумиры, изобретенные человеком, не дают ему полного удовлетворения. Ими можно увлекаться, им можно поклоняться, за ними можно гоняться, но жить ими нельзя. Истинной жизни в них нет.

Разберемся в этом подробнее.

Все человеческие кумиры, которые могут служить для человека центрами жизни, можно разбить на три категории.

Первая группа — самых грубых, самых низменных страстей: чревоугодия, сладострастия, лени, пьянства и т. п. Даже из этих страстей люди нередко

делают себе кумиры и отдают им всю жизнь и все силы.

Рассказывают об одном французе, для которого вкусно есть и пить было единственной целью жизни. Для удовлетворения этой страсти он не жалел ни сил, ни средств. Он с увлечением изучал историю кулинарии (поварского искусства) и достиг в этой области удивительных познаний. Он знал все редкие кушанья, которые когда-либо подавались к столу у королей всего мира и у всех исторически известных богачей-гастрономов. Знал, как приготовить каждое из этих блюд, и его ежедневное меню могло привести в восторг самого прихотливого и избалованного сластолюбца. Из самых отдаленных стран всего мира выписывал он редкостные и дорогие продукты для своего стола. Он истратил на это все свое громадное состояние, полученное по наследству, а когда в кармане у него остался один франк и для него стало ясно, что вести далее такую жизнь невозможно, он пошел на рынок, купил на последний франк жирного каплуна, зажарил его по всем правилам кулинарного искусства, съел и... застрелился. Жизнь потеряла для него всякую цену. Есть немало людей, которые отдаются всецело сладострастию и распутству. Без этого для них жизнь не жизнь. Есть специалисты по совращению женщин, так называемые «львы» большого света.

Кажется, нет такой низменной страсти, которую человек не обоготворил бы и на служение которой не мог бы отдать себя целиком.

Страсти этого рода человека удовлетворить ни в коем случае не могут. Они могут дать минутное наслаждение, довести до опьянения, но в конце концов

действуют разрушительно не только на духовную природу человека, но и на его организм. И тяжелыми недугами, мучительными болезнями приходится расплачиваться за годы, проведенные в грязных наслаждениях. Более того: даже в период наивысшего напряжения страсти, получаемые физические удовольствия бесконечно слабее желаний, возбужденных страстью.

Страсть неутолима. Развиваясь, она требует все новых, более сильных, более утонченных наслаждений. А между тем тело изнашивается, становится все менее восприимчивым и уже не способно давать ощущения требуемой силы. Начинается жестокий разлад между палящими желаниями страсти и невозможностью их удовлетворения. Тогда страсть только жжет и мучит человека, но наслаждений уже не дает.

Кумиры второй группы — обычные страсти нашего времени: любостяжание, честолюбие, славолубие, властолюбие и т. д. Их главное зло в том, что они разъединяют людей, неизбежно приводя к вражде и ненависти. Те так называемые блага жизни, к обладанию которыми стремятся эти страсти: богатство, власть и т. д., поделить поровну между всеми людьми невозможно. Начинается ожесточенная борьба всех против всех за их обладание, и ненависть, рожденная борьбою, отравляет даже успехи победителей. Человек не может спокойно наслаждаться результатами достигнутых побед, ибо он чувствует, что зависть и злоба побежденных противников подстерегает его везде, что она только подавлена и скрыта, но не убита. Кроме того, и здесь действует обычный закон страсти: чем больше она растет, тем меньше находит

способов и средств удовлетворения, которое здесь зависит от внешних условий, нам неподвластных. Представьте себе богача, охваченного жаждою наживы. Его страсть растет, как жажда пьяниц, требуя все больших и больших барышей. Маленькие суммы, которые радовали его прежде, теперь уже не удовлетворяют. Вчера еще он рад был нажитой копейке — через несколько лет он уже на рубль смотрит с презрением. Теперь некоторое удовольствие доставляют ему лишь сотни рублей. Но как их приобрести? Ведь это не зависит от одной воли человека. Барыши не поступают с такой скоростью, как бы хотелось. И вот опять неудовлетворение, мучительный разлад и томление духа.

Третью группу составляют кумиры высшего разряда: искусство, наука, благотворительность, общественная деятельность и т. п. Служение человека этим кумирам кажется бескорыстным, хотя в действительности к нему часто примешиваются славолюбие и тщеславие. Кроме того, они не ведут ко вражде, по крайней мере, непосредственно, ибо поле деятельности здесь безгранично. Места и дела хватит для всех, и конкуренция начинается здесь лишь тогда, когда к чистому служению этим кумирам примешиваются страсти второй категории: стремление к наживе, честолюбие и т. д. В современном обществе уровень нравственных идеалов до того понизился, что жизнь, посвященная кумирам этой группы, считается чуть ли не верхом совершенства и добродетели. Подвижники науки, корифеи искусства у нас ценятся безусловно выше скромных подвижников христианства. И тем не менее при самом искреннем и бескорыстном служении этим кумирам, полного

удовлетворения и счастья человеку они не дают и дать не могут.

Прежде всего они представляют лишь частичное удовлетворение потребностей человека: в науке находит удовлетворение ум, в искусстве — чувство и т. д. Остальные стороны души остаются без удовлетворения. В религии человек захватывается гораздо полнее, ибо она удовлетворяет все потребности.

Обыкновенно в душе верующего человека религиозная потребность проявляется как стремление к личному, живому Богу, воплощающему в Себе все высшие идеалы человека — истину, добро и красоту. В Лице Божиим все это сливается в дивную, неизъяснимую, цельную гармонию, и, служа Богу и объединяясь с Ним, человек весь проникается этими идеалами. Вся его жизнь, деятельность и само существо пронизываются их светозарными лучами. Уже в одном этом человек находит великое счастье, не говоря о величайшем счастье личного единения с Живым Богом.

В основе служения кумирам третьей категории лежат те же элементы религиозной потребности — стремление к истине, добру и красоте, почему эти кумиры и кажутся такими возвышенными. Но, **во-первых**, эти элементы здесь разбиты поодиночке. Ибо наука есть человеческое выражение истины, искусство — красоты, благотворительность и общественная деятельность — добра. Они не сливаются здесь все в одной дивной симфонии, пленяющей всю душу человека целиком, как это имеет место в религии. **Во-вторых**, личный, живой Бог, Который в религии является носителем и высшим воплощением идеалов истины, добра и красоты, здесь подменен чисто

отвлеченными, бездушными понятиями, своего рода суррогатами, и эти суррогаты, конечно, не могут вызвать такого чистого и напряженного подъема чувства, как взаимодействие с живым, личным, святейшим Существом. Никогда нельзя ни науку, ни искусство любить так безраздельно, так глубоко, как можно любить Бога.

В конце концов, поклонение науке и искусству есть особого вида идолопоклонство, своего рода антропоморфизм, человек преклоняется здесь перед собственным созданием, перед творением если не своих рук, то своего ума и сердца. Вот почему здесь и не может быть высшего чувства благоговения. Свое собственное детище можно любить, можно им даже гордиться, но благоговеть перед ним вряд ли возможно. Скорее наоборот: здесь проявляется какое-то отечески покровительственное чувство, и, действительно, читая ученые произведения многих корифеев науки, выносишь впечатление, что они или кокетничают с наукой, или снисходительно треплют ее по плечу. Не может быть поэтому здесь и непреклонной уверенности в безусловном праве этого любимого детища на поклонение. В глубине сознания самого фанатичного поклонника науки всегда сидит червячок скептицизма, который точит его сердце постоянным сомнением: а вдруг здесь нет истины? Разве не может быть эта вывеска глубоко-мысленных выводов и звонкоученых слов только нарядными лохмотьями, которые прикрывают или пустое место, или ложь? И ошибка и обман вполне возможны! Ибо, в конце концов, это создано только человеком! *A errare humanum est* — человеку свойственно ошибаться!

И только в одном случае служение науке и искусству является плодотворным и полно захватывает человека — это тогда, когда оно связывается с религиозной идеей; когда, занимаясь наукой, человек смотрит на нее как на средство выяснить и понять тайны Божиего мироздания и открыть его вечные законы; когда искусством пользуется как средством пробудить в душе человека чувства высшего порядка — любовь к Богу или к Его земным проявлениям в истине, добре и красоте; другими словами, когда занятия наукой и искусством в действительности являются служением единому, истинному Богу, представляя лишь особую форму религиозной жизни. Если же человек теряет связь с Богом, не к Нему стремится и не в Нем ищет опоры и вдохновения, то в силу необходимости он принужден искать их в своих убогих мозгах и из себя выжимать все элементы научного труда. А это приводит к банкротству науки, ибо неизбежно ведет к сомнению и отрицанию научных аксиом и тем колеблет основы науки. Вот почему те люди, которые двигали науку вперед, были обыкновенно глубоко верующими.

Точно так же и искусство процветает и дает удовлетворение человеку в том лишь случае, если оно связано или непосредственно с религией и служит ее целям, или с одной из форм выражения религиозной потребности — служением истине, добру и красоте. То обстоятельство, что искусство всегда развивалось и процветало тогда, когда оно раскрывало религиозную идею, как это мы видим особенно наглядно в итальянской живописи, — вовсе не случайный факт. И наоборот, современный футуризм, лучизм, кубизм и т. п. есть несомненный декаданс,

упадок искусства, ибо люди потеряли здесь Бога и ищут нового центра в своей убогой психике. В результате получается уже не искусство, а кривлянье, клоунская гримаса.

Вслед за искусством и наукой и все формы общественной деятельности оживают и дают человеку наивысшее удовлетворение только в связи с религией. А если так, то какой смысл подменять идею Бога человеческими кумирами? Если эти кумиры высшего порядка, они не дают полного и всестороннего удовлетворения, если низшего, то они только разрушают жизнь и вредят человеку.

Не сотвори себе кумира. Это первое условие развития духовной силы.

Глава 1, ст. 35–45

А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

Для выполнений Своего высокого служения Иисус Христос несомненно обладал духовными силами, бесконечно превышавшими силы обыкновенного человека. Приведенный стих первой главы говорит нам, какими средствами Он эти силы укреплял. Этим средством была молитва.

В молитве, в духовном единении с Всемогущим Отцом всегда искал Он укрепления, ободрения, утешения. В этом единственно неиссякаемом источнике всякой силы черпал Он новую мощь для Своего служения.

Но когда Он искал этого единения с Богом, Он всегда хотел быть один, вдали от людей.

В приведенном отрывке у Марка читаем: *встав весьма рано... удалился в пустынное место, и там молился.*

У Матфея: *И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине* (Мф. 14, 23).

У Луки: *Он уходил в пустынные места и молился* (Лк. 5, 16).

Молитва есть Его первое дело. До восхода солнца, когда все еще спали, Он оставлял дом и город, удалялся в уединенное место, вдали от шума и людей ища уединения и безмолвия, дабы втайне беседовать с Отцом Своим.

Палестинская природа располагает к такой сосредоточенности. Селение и город шумны, но поля безмолвны; лишь только удаляется человек от последних домов, он погружается уже в полную тишину. Нет того смутного шума, который поднимается с моря или слышится из леса. Лишь лай собак да отдаленный вой шакала изредка нарушает безмолвие, витающее над долинами и горами Палестины.

В эти минуты наивысшего напряжения духовных сил ничто не должно было отвлекать Господа от молитвы; никто не должен был нарушать Его единения с Богом; никто не смел подслушать таинственную беседу Сына с Отцом. Человеческий голос, нескромный взгляд могли бы помешать цельности и полноте этого слияния с Богом, и Иисус Христос уходил от людей в пустынные места.

Но не только эти минуты наиболее высоких проявлений духовной жизни оберегал Он от людей: Свои дела, благодеяния, чудотворения, в которых проявлялись Его духовная сила и любовь, Он также хотел делать так, чтобы никто о них не знал.

Когда Он исцелил прокаженного, читаем мы: *И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори* (ст. 43–44).

С одной стороны, Иисус хотел избежать человеческой славы, которая больше всего препятствовала Его мессианскому служению. Он не хотел прослыть чудодеем, и не чудесами думал Он привлекать к Себе сердца людей. Но, с другой стороны, эта скромность добродетели, это стремление сохранить тайну духовной жизни имеют и другие причины. В этой тайне лежит одно из условий сохранения и развития духовной силы.

Это же завещает Господь и Своим последователям.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас... Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 1, 3–4).

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6).

Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 17, 18).

Таким образом, добродетели в христианстве должны быть скромно, а духовная, внутренняя жизнь окружена тайной, непроницаемой для людей и от-

крытой только Богу. Только тогда Господь благословляет внутреннее делание успехом и дает плод духовной жизни. Духовные силы, выношенные и развернувшиеся в тайниках души, становятся тогда настолько могущественными, что сами собой проявляются вовне и скрыть их от других становится уже невозможным. *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

Почему так? Почему духовная жизнь, открытая для других, оскудевает неизбежно и не приносит ни плода, ни награды?

Прежде всего потому, что Бог, Который Один должен быть центром духовной жизни, в этом случае легко может быть подменен и действительно почти всегда подменяется каким-нибудь кумиром, чаще всего кумиром тщеславия и славолубия, а это уже ослабляет духовную силу человека, как это мы видели в предшествовавшей беседе. Когда человек делает свои дела напоказ, чтобы прославляли его люди, он уже, строго говоря, перестает думать о Боге и служить Ему Единому. Он служит тогда себе, своей гордости, своему самолюбию. Но, служа себе, он и не вправе требовать награды от Бога, ибо то, что ему надо — славу и похвалу, он уже получает как награду от людей.

Если даже, начиная служить Богу, человек вполне честен в своих намерениях и совершенно не заботится о собственной славе и похвале от людей, но искренно ищет только славы Божией, тем не менее и в этом случае фимиам мирской славы туманит голову, рукоплескания толпы возбуждают к ним вкус и тщеславную любовь, и, сам почти не замечая того, человек начинает их желать и искать, все

время пытаюсь уверить себя, что он служит только Богу. Нужно большое нравственное мужество и устойчивость воли, чтобы не поддаться соблазну и оттолкнуть от себя эту славу мира сего, которая назойливо преследует тех, кто от нее бежит.

Особенно следует это помнить молодым и неопытным, но горячим и увлекающимся людям, вступившим на путь служения Богу. На первых порах ничем так не искушает их диавол, как дурманом славы. Молодость, необыкновенность явления, особенно в наше время, когда среди молодежи почти иссякла и самая вера в Бога, ревность к подвигу, еще не умеренная опытом, успехи первых порывов — все это невольно возбуждает и привлекает внимание толпы. За вниманием следует одобрение, уважение, почтение, порой преклонение, и под гипнозом такого отношения юный служитель Божий, самый искренний и скромный, начинает невольно чувствовать себя каким-то необыкновенным героем, который стоит выше толпы. Рождается гордость, которая услаждается достигнутым почетом и уже начинает искать и требовать его как должную дань уважения к своим высоким качествам, которых в действительности еще и нет. Людской молве соблазнительно легко поверить и вообразить себя достойным похвал, забывая, что толпа обыкновенно является самым плохим ценителем нравственных качеств и достигнутой высоты души. Потом наступает момент, когда пробудившаяся жажда славы и людского почета уже перестает удовлетворяться достигнутыми результатами. Начинает казаться, что уважение толпы слабеет, слава идет под уклон, общее внимание уже не возбуждается. Тогда человек сам бежит за славой, стараясь остановить ее

закат, и в этой погоне забывает чистое служение Богу, уже не заповеди и не волю Божию ставит законом своей жизни, но подделывается под вкусы толпы, чтобы сорвать хотя бы минутный взрыв рукоплесканий, опьяняющее наслаждение, которые стали уже привычкой, пускается в фокусничество, иногда в чистое шарлатанство. Сколько крупных нравственных сил, сколько горячих искренних порывов погибло таким образом! Сколько обманщиков и шарлатанов выработалось вместо подвижников чистого христианства! О, диавол хорошо знает силу этого соблазна, и, вероятно, нет ни одного честного служителя Божия, которого он не провел бы через огонь этого испытания.

Я помню одного странника. Высокий, сухой, но еще крепкий, жилистый старик. Он носил под рубашкой на голом теле страшно тяжелую двойную цепь, наглухо заклепанную на груди и на спине. Его шапка представляла собой тяжелую свинцовую чашку фунтов в пятнадцать, обшитую вылезшим мехом. Длинная, выдолбленная внутри палка была тоже налита свинцом. Всегда он носил на себе не менее двух пудов. Его тяжелая, мерная походка под аккомпанемент звякающих цепей была слышна издалека. Плечи до кости были проедены тяжелыми цепями, и носить их было, несомненно, настоящим мучением. В народе он пользовался громадным уважением. Но одна черта ставила его подвиг под сомнение: он любил, когда останавливался в крестьянских избах, чтобы его почитатели ошупывали его цепи, взвешивали на руках его шапку и посох, и если никто не догадывался этого сделать, он приглашал сам: «Подь-ка, посмотри, какие на мне вериги!» Уважение и удивление людей доставляли ему несомненное удовольствие.

Он умер без покаяния, скорбною смертью. Конечно, у него могли быть другие заслуги перед Богом. Никто не смеет и не может судить чужую душу, кроме Всеведущего Господа, Которому открыты все тайны сердца. Но сам по себе подвиг, таким образом афишированный, выставленный напоказ, несмотря на всю свою трудность и мучительность, уже терял всякое нравственное величие. В нем было не более достоинства, чем в фокусах странствующего комедианта, который на потеху толпе ест резиновые калоши и толченное стекло.

И в том и в другом случае люди стремятся разными средствами возбудить удивление толпы и заставить о себе говорить.

Аминь, глаголю вам: они уже получают награду свою (Мф. 6, 2), — говорит Господь.

Служение Господу должно быть безукоризненно чисто. Чисто должно быть и побуждение к нему. Таким чистым побуждением является любовь к Богу, и никакая посторонняя примесь, особенно если в ней есть грязь эгоизма и гордости, не может быть здесь допущена. Ради собственной любви к Богу и ради того, чтобы приобрести взаимно благоволение Божие, трудились святые подвижники. Но когда человек, служа Богу, стремится этим путем достигнуть личной выгоды или славы, тогда ценность его служения или уменьшается, или сводится к нулю, в зависимости от количества эгоистической примеси. Награда служения, которая в первую очередь получается в форме новых духовных дарований или роста духовной силы, может быть достигнута. Поэтому необходимо все время строго и зорко следить, чтобы ничто в духовной жизни не делалось

из-за посторонних побуждений и чтобы червячок тщеславия, который прекрасно умеет прятаться за внешне благовидными предложениями и софизмами, не заполз в душу; иначе он легко разовьется в змею, которая высосет все духовные силы.

Вот почему святые отцы так остерегались в своей жизни даже случайного любопытного постороннего взора и окружали свой подвиг глубокой тайной.

В один из суровых восточных монастырей в Панеро к преподобному Иосифу, великому постнику и подвижнику, пришел однажды некий пресвитер Евагрий со свитой. В старину знаменитые своею жизнью монастыри часто посещались благочестивыми паломниками, которые искали у опытных старцев-иноков уроков и наставления. Эту же цель имел и Евагрий, сам уже начинавший упражняться в подвижничестве и несколько в этом успевший. Ему хотелось лично видеть подлинную иноческую жизнь, которую он мог бы взять как пример для подражания. Для этого и пришел он к святому Иосифу, монастырь которого славился своею строгостью.

Путники были приняты очень радушно, но какво было разочарование Евагрия, когда в образе монастырской жизни он не заметил ни тени строгого подвижничества, ничего особенного, что оправдывало бы репутацию обители. Богослужения были непродолжительны, рукоделия и послушания казались легкими, а трапеза, к которой был приглашен Евагрий со свитой и которую разделял с ними преподобный Иосиф, совсем не говорила о строгом постничестве. Стол был прост, но питателен и разнообразен. Подали овощи, фрукты — все, что только имелось в монастыре, даже вино.

Один из спутников Евагрия не вытерпел.

— Наш пресвитер, — сказал он, — вкушает только хлеб с солью!..

Преподобный Иосиф как будто не слышал этого замечания, в котором слышалось осуждение, и спокойно продолжал трапезу.

С тяжелым сердцем ушел Евагрий из монастыря, жалея о потерянном труде и времени. Ему казалось, что он ничего не приобрел для души, и он спешил в другие обители. Но дорогой их застал густой утренний туман. В песчаной пустыне, где все так ровно и однообразно, определить направление вообще трудно. В тумане это оказалось невозможно. Путники заблудились. Пришлось вернуться назад в монастырь святого Иосифа.

Когда они подошли к монастырским стенам, до них донеслось пение. Видимо, шло богослужение. Это их удивило: раньше в этот час службы в монастыре не совершалось.

Евагрий со спутниками решили обождать у ворот, чтобы не нарушать своим появлением молитвы иноков. Им пришлось ждать очень долго — несколько часов.

— Что это они распелись? — подумал Евагрий. — Никогда ничего подобного не было...

Потеряв терпение, он постучался. Их впустили и тотчас провели в общую трапезную, куда вскоре пришла и монастырская братия, закончившая богослужение.

Пришел и преподобный Иосиф, благословивший трапезу и пригласивший утомленных путников разделить братский обед. Но какой обед! Маленький кусочек хлеба и горсть сушеных фиников! Вина

не было и в помине. Вместо него — соленая вода, взятая, очевидно, из какой-нибудь приморской лужи. Евагрий не мог скрыть своего удивления.

Преподобный Иосиф посмотрел на него с доброй, спокойной улыбкой.

— Ты удивляешься, брат? — сказал он. — Но это наша обычная жизнь, а то, что ты видел раньше, было делом любви: так принимаем мы гостей. Свою настоящую жизнь мы обыкновенно не открываем...

И возблагодарил Бога Евагрий, что Он не оставил его в первоначальном заблуждении и удостоил видеть истинно монашескую жизнь и смирение.

Так умели преподобные отцы скрывать свою подвижническую жизнь, боясь человеческой славы.

Но не только эта святая боязнь обуславливала скромность и тайну их жизни. Были и другие внутренние, более глубокие причины, требовавшие того же, прежде всего — их великая любовь к Богу.

Любовь к Богу требует внутреннего одиночества, внутреннего отчуждения от людей, от мира. «Хочу быть только с Богом! И никто более мне не нужен!» — таково желание растущей и развивающейся любви. На известных ступенях она становится ревнивой и исключительной. Люди уходили в пустыни, лесные чащобы, на необитаемые острова, прятались в недоступных горных ущельях и пропастях с единственной целью — быть только с Богом, наслаждаться полным единением с Ним, не смущаемым человеческим шумом и суетою. Искренняя любовь чуждается и не допускает посторонних в свой заповедный круг. В мысли — «меня и Бога объединяет тайна» — кроется великое обаяние любви, и каждый лишний человек, каждый нескромный

взор, проникший в эту тайну, нарушает это обаяние и чувствуется любящей душой почти как оскорбление. Постепенно, по мере развития любви, единение с Богом, слияние с Ним, или, как выражается преподобный Исаак Сирин, «почитие в Боге» становится все полнее и исключительнее, и в этом «почитии» душа находит и свою награду, и свое блаженство. Ничего другого не надо. Погремушки человеческой славы, убогая мишура мирской роскоши, преклонение раболепствующей толпы — все-все отходит вдаль и кажется таким ничтожным, мелким, ненужным в этом захватывающем, ослепительно сияющем, горящем восторгом потоке Божественной любви.

Этот подъем к Богу и единение с Ним вовсе не означает, однако, полный разрыв с людьми, тем менее — пренебрежение или враждебное отношение к ним, в чем часто несправедливо обвиняют подвижников христианства. Нет, здесь сказывается лишь внутреннее отчуждение от их суетной, мирской жизни, от их дурной стороны, от их грешных привязанностей, страстей и пороков. Лучшая сторона человека, неизгладимый образ Божий, запечатленный даже и в грешной душе, неизменно привлекает и восхищает подвижника и никогда не теряет его любви, полной удивления и преклонения пред совершенством Божиим, отразившимся в творении: Бога он любит и в людях, но он их избегает не только потому, что любящая душа, ревниво хранящая свою тайну, страдает от их назойливости и нескромности, но также и потому, что в общении с ними, по крайней мере до тех пор, пока подвижник не утвердился окончательно в любви Божией и не приобрел устойчивости твердой, как скала, кроется для него великая опасность соблазна.

Забывшие образы прошлого, отвергнутые приманки мирской жизни, старые привязанности могут легко воскреснуть с прежней силой и, если даже окажутся бессильными оторвать от Бога и вернуть к былому, все же неизбежно взволнуют душу, лишат ее покоя, затуманят в сознании мысль о Боге, нарушат полноту единения с Ним, ослабят стремление к Нему и вместе с тем духовные силы подвижника. Воспоминания прошлого для человека, отрекшегося от мира, — всегда кандалы в его стремлении к совершенству, и чем более любви и нежности было связано с ними, тем они тяжелее. Этим объясняется то упорство, с каким пустычники и затворники часто отказывались видеть самых близких людей. Но когда подвижник уже утвердился в любви к Богу и когда мир потерял для него всякую прелесть как негодная ветошь и уже не волнует душу соблазнами, тогда он нередко, повинаясь воле Божией, возвращается к людям, неся им свой духовный опыт, свою любовь и благодатные силы, воспитанные одиночеством. В душе человека он видит тогда только лучшую ее сторону, видит Бога, которого он безгранично любит, а пороки и страсти уже бессильны вызвать в нем другой отзвук, кроме отвращения к ним и глубокой жалости к человеку, зараженному ими и страдающему от них. В общении с людьми для него уже нет такой опасности соблазна, как прежде.

Но и в этих условиях личная внутренняя жизнь подвижника остается закрытой для людей. Она всегда закрыта.

Людям открыта только мудрость духовного опыта, но не таинственные переживания души. Дверь в эту клеть всегда заперта наглухо, как требует Господь.

С этой стороны особенно интересен подвиг юродства, когда подвижники величайшей святости, находясь в постоянном общении с людьми, прячут чистоту и святость своей души под маской чудачества и диких выходок так искусно, что толпа нередко принимает их за сумасшедших и дарит презрением и насмешками, не умея рассмотреть в этой грубости и дикости золота духовной высоты и подвига.

На востоке, в одном из Тавеннских монастырей, жила когда-то одна женщина, имя которой сестрам обители было даже неизвестно. Всегда грязная, оборванная, с нечесаными, сбившимися, как войлок, волосами, она была предметом постоянных насмешек и оскорблений. Часто она казалась пьяной. Ее нередко видели валявшейся в грязных сточных канавах или в отхожих местах, храпевшей в непробудном сне. Ходила она шатаясь и спотыкаясь, бормоча про себя несвязные слова. Не раз сестры хотели удалить ее из монастыря, и только сердобольная игуменья, жалея несчастную, терпела ее в обители. Но однажды ночью одна любопытная монахиня подсмотрела за ней, когда та по обыкновению скрылась в отхожем месте, и была поражена: вместо грязной, пьяной потаскушки пред ней была святая в дивном величии молитвенного вдохновения. Юродивая коленопреклоненно молилась. Ее бледное, худое лицо сияло счастьем и восторгом, и неземной свет струился от нее, освещая все кругом. Утром монахиня рассказала сестрам о том, что видела ночью. Бросились искать подвижницу, чтобы просить у нее прощения за нанесенные оскорбления, и не нашли. Она исчезла. Оставаться там, где подвиг ее был открыт и где с этих пор ее ожидали слава и почет, она не могла и не хотела.

Такой страшной ценой покупают юродивые тайну своей жизни. Даже перед теми, кому они хотят сделать добро, они умеют замаскировать свой добрый порыв и таким путем избежать благодарности.

Святой Андрей, византийский юродивый, обыкновенно все, что получал от своих почитателей, раздавал нищим, но делал это очень своеобразно. Когда он встречал особенно нуждавшегося бедняка, которому он хотел отдать свои деньги, он начинал с ним перебранку. Перебранка скоро переходила в ссору, которая, казалось, вот-вот кончится дракой. В порыве гнева Андрей выхватывал вдруг из кармана пригоршню монет, медных, золотых, серебряных и с размаху бросал их в своего соперника. Потом поворачивался, как будто взбешенный до последней степени, и убегал без оглядки, не желая иметь с ним больше никакого дела. Это была его милостыня.

Хранение тайны внутренней жизни имеет и воспитательное значение. Этим путем религиозное чувство человека и его любовь к Богу становятся сосредоточеннее и горячее. Открытая печь жара не держит, или, как говорила преподобная Синклитикия, «если в бане часто отворяют двери, то скоро выпустят весь пар». Так и душа, слишком открытая для посторонних взоров, скоро теряет свою сосредоточенность; чувство, доступное многим, легко расплывается, духовная сила тратится и исчезает бесполезно. Физики знают этот закон: пар имеет силу и упругость только в герметически закрытом помещении.

Говоря о тайне духовной жизни, следует прибавить два замечания о пределах необходимой скрытности.

Во-первых, необходимо все время помнить, что скрытие внутренней жизни имеет целью пользу души, предохраняя ее от славолубия, тщеславия, от посторонних примесей в чувстве любви к Богу, от распыления духовной силы и т. д. Следовательно, там, где этих опасностей нет, там скрытность не нужна. Поэтому само собой понятно, что в отношениях, например, к духовному лицу или к духовному руководителю о скрытности не может быть и речи. Здесь она не только ничем не оправдывается, но прямо вредна. Духовный опытный руководитель на первых порах совершенно необходим, ибо без посторонних указаний и беспристрастной оценки явлений духовной жизни легко уклониться на ложный путь и впасть в прелесть, и, конечно, душа начинающего подвижника должна быть перед ним вся открыта, тем более, что диавол, обыкновенно, намеренно возбуждает недоверие к духовнику или к старцу и требует закрыть от него тайники сердца, опасаясь, что опытный взгляд последнего легко различит те козни, которыми он собирается опутать новоначального инока.

Во-вторых, опасение открыть тайну своей жизни не должно останавливать человека от делания добрых дел. Иногда, например, на глазах людей не хотят творить милостыню и оставляют бедняка без помощи под тем предлогом, что желают избежать славы и похвалы людской. Конечно, это неправильно. Важно, чтобы ты не думал и не искал славы, а если она достается на твою долю без твоего желания, за это Господь не осудит. Даже в том случае, если в твоём сердце есть действительно червячок тщеславия и, делая добро, ты не прочь этим привлечь

внимание людей и заслужить их одобрение, все-таки лучше не отказываться сделать доброе дело.

К одному старцу пустыннику пришел молодой инок.

— Авва, — сказал он, — когда я делаю добро, помысел говорит мне, что я хорошо делаю, и это меня смущает. Я боюсь, как бы не развился дух гордости.

— Сын мой, — отвечал старец, — было два земледельца, у которых для посева была только плохая пшеница, смешанная с разным мусором и семенами сорных трав. Один из них совершенно отказался сеять, не желая свой труд тратить для плохого урожая, который неизбежно должен был получиться от посева такого зерна. Другой посеял и собрал немного пшеницы, хотя и плохого сорта и засоренной. Был голодный год; он все-таки пропитался, хотя и с трудом. Первый же оказался в безвыходном положении. Который из них поступил лучше?

— Думаю, что тот, который посеял, — сказал инок.

— Так и мы, — заключил старец, — будем сеять пшеницу добрых дел, хотя бы к ней и был примешан мусор дурных побуждений!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	50
Глава 3	83
Глава 4	129
Глава 5	162
Глава 6	194
Глава 7	243
Глава 8	283
Глава 9	367
Глава 10.....	420
Глава 11.....	492
Глава 12.....	548
Глава 13.....	645
Глава 14.....	677
Глава 15.....	786
Глава 16.....	843